

Лушневская Екатерина Владимировна
Полоцкий государственный университет
e-mail: k.lushneuskaya@psu.by

ВЕРНОСТЬ НИБЕЛУНГОВ КАК НАЦИОНАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация: в статье рассматривается рецепция сюжета о гибели Нибелунгов. Рецепции «Песни о Нибелунгах» находятся в тесной связи с историей и имеют идеологическую подоплеку. В XIX веке «Песнь о Нибелунгах» приобретает известность как национальный эпос. Во Вторую мировую войну идеологическим оружием становится опера Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга». Современные рецепции сюжета о гибели Нибелунгов (М. Ринке, Х. Мюллера) дают возможность иначе взглянуть на военные события Германии и пропаганду героического эпоса.

Ключевые слова: «Песнь о Нибелунгах»; рецепция; национальный эпос; история; идеология.

Katsiaryna Lushneuskaya
Polotsk State University
e-mail: k.lushneuskaya@psu.by

LOYALTY OF THE NIBELUNGS AS A NATIONAL CHARACTER AND ITS REFLECTION IN THE LITERATURE

Abstract: the article deals with the reception of the plot about the death of the Nibelungs. Receptions of the «Song of the Nibelungs» are closely related to history and have an ideological background. The «Nibelungenlied» became known as a national epos in the XIX century. During the Second World War, R. Wagne's opera «The Ring of the Nibelung» became an ideological weapon. Modern receptions of the plot about the death of the Nibelungs (M. Rinke, H. Müller) make it possible to see the military events in Germany and the propaganda of the heroic epos from another perspective.

Keywords: «Nibelungenlied»; reception; national epos; history; ideology.

Гибель Нибелунгов – трагическая катастрофа времен Великого переселения народов. XX век – время, которое дало толчок возрождению Нибелунгов из героического прошлого в период мировых войн. Военные действия наполеоновских, двух мировых войн обусловили интерес к эпическим героям как к образцу мужества и храбрости. Судьба Нибелунгов была символом немецкого национального вопроса в XIX веке и превратилась в идеологическое оружие в XX веке.

В начале XX века рейхсканцлер Бернард фон Бюлов в своей речи от 29 марта 1909 года использует понятие «верность Нибелунгов» (нем. *die Nibelungentreue*): «Мои господа, я где-то прочитал пренебрежительные отзывы о нашей вассальной подчиненности Австро-Венгрии. Нет повода для насмешек! Здесь нет места спору о статусе, подобному ссоре королев из «Песни о Нибелунгах»; но мы не исключаем верность Нибелунгов по отношению к Австро-Венгрии, которую мы обоюдно хотим сохранить» [7, S. 127]. Если под Нибелунгами понимать любого обладателя клада Нибелунгов, то бургунды, прибывшие в гуннскую державу, и есть Нибелунги: *Die Nibelunges helde / kômen mit in dan // in tûsent halspergen. / ze hûs si heten lân // vil manige schœne vrouwen, / die gesâhen si nimmer mê* [4, S. 460]. – И мужи Нибелунга / в кольчугах в край чужой // Шли (тысяча их было); остался домарой // Дам милых, никогда уж / оне их не видали (1523, 1–3) [3, с. 325]. Бургундские вассалы смело шли в бой, отдавая верный долг королям, защищая их честь.

В конце Первой мировой войны, в 1918 году, кроме понятия «верности Нибелунгов» в обиход немецких политиков войдет выражение «подлый удар в спину» (нем. *der Dolchstoß*). Так, 2 ноября 1918 года один из политиков, Эрнст Мюллер, скажет своим слушателям в Мюнхене: «До тех пор, пока идет война, мы обязаны соблюдать свой проклятый долг перед родиной. Иначе нам будет нестерпимо стыдно собственных детей и внуков, если мы нанесем подлый удар в спину собственной отчизне» [8, S. 86]. Существует еще одно метафорическое сравнение. В данном контексте Хаген примеряет на себя функцию противника Германии, а Зигфрид олицетворяет собой Германскую империю. «Как Зигфрид пал от подлого удара Хагена, так пал и наш фронт; напрасно мы пытались испить глоток новой жизни из источника наших национальных сил», – напишет в своих «Мемуарах» в 1920 году фельдмаршал Пауль фон Гинденбург [6, S. 380]. Так объяснялось поражение Германии: революционеры 1918 года пали на поле битвы и убиты ударом кинжала в спину [8, S. 86].

После Первой мировой войны сюжеты «Песни о Нибелунгах» (*Der Nibelunge Nôt*) были переработаны и «нагружены» идеологией. Даже замечательный фильм «Нибелунги» (1924) австро-германского режиссера Фрица Ланга был «уличен» в расизме. Автор сценария, супруга Ланга, Теа фон Харбоу написала на титульном листе двусмысленное посвящение, которое гласило «Тебе и Германии». Кроме того, белокурые герои фильма Ланга, казалось, воплощали пропагандируемый у нацистов идеал «арийской» красоты. Однако образованные слои населения протестовали против такой интерпретации «жемчужины немецкого эпоса». Сам режиссер после предложения Гитлером взять в свои руки всю киноиндустрию Германии, покинул страну, тем самым выразив протест против нацистской идеологии. В то же время никто не мог отрицать, что сила воздействия картины была велика. «Древний германский эпос должен был восстановить величие нации в сознании зрителей. Подвиги Зигфрида и месть Кримхильды – укрепить

национальный дух, показать пример мужества, которое вместе с нерушимой верностью своему долгу изначально было присуще древним германцам, а, следовательно, передалось и их потомкам» [1, с. 177].

Во время Второй мировой войны настала эра оперы Рихарда Вагнера. Его тетралогия «Кольцо Нибелунга» (*Der Ring des Nibelungen*, 1876) превратилась в идеологическое оружие. Хотя со дня смерти композитора в 1883 году до начала Второй мировой войны прошло 56 лет, евреи считают Вагнера идейным вдохновителем Холокоста. «Песнь о Нибелунгах» была реанимирована и очень мощно ворвалась в литературное сознание европейцев во второй половине XIX века благодаря гениальному композитору Р. Вагнеру, который создал свою тетралогия «Кольцо Нибелунга», состоящую из опер «Золото Рейна» (*Das Rheingold*), «Валькирия» (*Die Walküre*), «Зигфрид» (*Siegfried*), «Смерть богов» (*Götterdämmerung*). Создавая «Кольцо Нибелунга», Вагнер до большей степени опирался и на «Старшую Эдду». Эти оперы были проникнуты восхвалением немецкого национального духа, немецкой национальной идентичностью и в купе с крайне реакционными взглядами самого Вагнера, который был ярким националистом, ксенофобом, антисемитом – все это обеспечило ему подъем его популярности на рубеже веков в связи с подъемом немецкого национализма. Спустя 50 лет после смерти Вагнера он стал любимчиком Гитлера и, по сути, официальным композитором Третьего рейха. Впоследствии – вот она странная прерогатива исторической судьбы – Вагнер был исключен из числа тех композиторов, кого можно услышать в Израиле. На постсоветском пространстве, да и в Советском Союзе оперы Вагнера никогда не исполнялись.

Сталинград впишет в историю Нибелунгов особенно жуткую главу: Герман Геринг в своей речи от 30 января 1943 года сравнивал Сталинград с окруженными в нем войсками с Нибелунгами в горящем королевском зале Этцеля. Полное уничтожение целой армии было таким образом «разыграно как героическое самопожертвование» [5, S. 91]. Так, миф о Нибелунгах, будучи военным самообманом в конце Первой мировой войны, был возведен в ранг политического девиза в конце Второй мировой.

Созданный 20 годами позже двухсерийный фильм о Нибелунгах Харальда Райнла (*Harald Reinl*, 1908–1986) «Зигфрид в Ксантене» (*Siegfried von Xanten*, 1966) и «Месть Кримхильды» (*Kriemhilds Rache*, 1967) уже не является пропагандистской идеей. В отличие от предыдущей экранизации «Песни о Нибелунгах» Фрица Ланга (*Fritz Lang*, 1890–1976), Х. Райнл воплощал на экране средневековые нравы феодального общества. В то время как цель Ланга и фон Харбоу (*Thea von Harbou*, 1888–1976) – снять фильм, востребованный обществом в данный момент, «заряженный идеей» и призванный укрепить национальный дух соотечественников [1, с. 180]. Поэтому черно-белый немой фильм Ф. Ланга по-прежнему считается самой яркой киноинтерпретацией средневекового героического эпоса.

Во второй половине XX века немецкий писатель Хайнер Мюллер (*Heiner Müller*, 1929–1995) снова впишет Нибелунгов, Гитлера, Наполеона в пьесу «Германия. Смерть в Берлине» (*Germania Tod in Berlin*, 1978). Но поражает не букет персонажей – эффектнее другое: он спрессовывает несколько эпох, чтобы потом перемешать их в одном историческом котле. В драме Берлин называется «прусской девкой», а Геббельс представлен беременным, Нибелунги пьют пиво из чепцов и убивают друг друга, чтобы не делить деньги. Огромного роста Гунтер, Хаген, Гернот и Фолькер возвышаются над полем трупов Сталинграда и разрубают друг друга на куски. «Затем куски тел ползут навстречу друг другу и в шуме и грохоте, звоне металла, криках, обрывках песен слепляются в монстра из человеческих тел и железа» [2, с. 288]. Своей пьесой Мюллер выступал против такого немецкого прошлого, всего глобального зла, тормозящего современную цивилизацию [2, с. 12]. Вероятно, так он хотел выразить надежду на мир без ужасов немецкой истории.

Среди современных обработок двусмысленным содержанием наделена пьеса «Нибелунги» (*Die Nibelungen*, 2003) Морица Ринке (*Moritz Rinke*, geb. 1967). Одна из его целей была – избавиться от национал-социалистских предубеждений против «Песни о Нибелунгах». Так, драма Ринке представляет критическое, или даже пародийное приспособление материала. В его произведении все тайное раскрывается зрителям ведущим повествование репортером: связь Брюнхильды с Зигфридом, обман в брачную ночь, убийство Зигфрида – все виновники очевидны. Несмотря на то, что Кримхильда говорит о создании нового мира, и о том, что бургунды не достойны называться Нибелунгами, а лишь немцами, драма Морица Ринке не имеет отношения к военной Германии. Кроме того, открытым остается вопрос, являются ли новые обработки «Песни о Нибелунгах» лишь развлекательным видом искусства или действительно свидетельствуют о широком интересе к материалу.

Так или иначе, в эпоху мировых войн, между 1914 и 1945 годами, Нибелунги сделали идеологическим символом, кодом политического языка националистов, реакционеров, милитаристов и национал-социалистов. И, как следствие отождествления с ними, пугалом для последующей эпохи. А многочисленные интерпретации «Песни о Нибелунгах» сегодня призваны исправить ситуацию и вернуть репутацию Песни о славных героях прошлого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бучилина, Ю.Н. Мифологические архетипы «Песни о Нибелунгах» и их интерпретация в немецкой литературе XIX в. : дисс. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Бучилина Ю.Н. – Н. Новгород, 2009. – 209 с.
2. Мюллер, Х. Проза. Драмы. Эссе. Диалоги : сб. / Х. Мюллер ; пер. с нем. ; сост. В.Ф. Колязин. – М. : РОССПЭП, 2012. – 528 с.

3. Песнь о Нибелунгах с введением и примечаниями / пер. с средневерхненем. размером подлинника М.И. Кудряшев. – СПб. : Типография Н.А. Лебедева, 1889. – 440 с.
4. Das Nibelungenlied. Mittelhochdeutsch/Neuhochdeutsch / Bartsch K., de Boor H. – Stuttgart : Philipp Reclam jun. GmbH & Co, 2003. – 1045 S.
5. Heinzle, J. Die Nibelungen / J. Heinzle. – Darmstadt : Primus Verlag, 2010. – 96 S.
6. Hubatsch, W. Hindenburg und der Staat. Aus den Papieren des Generalfeldmarschalls und Reichspräsidenten von 1878 bis 1934 / W. Hubatsch. – Göttingen : Muster-Schmidt Verlag, 1966. – 397 S.
7. Massow, von W. Fürst von Bülow's Reden / W. von Massow. – Bd. 5. – Leipzig : Universal-Bibliothek 5791–5793, 1914.
8. Münkler, H. Siegfrieden / H.M. und W. Storch, Siegfrieden. Politik mit einem deutschen Mythos (Rotbuch 330). – Berlin, 1968. – S. 49–142.